

Владимир Легойда

О родителях, которые пришли, и о детях, которые уходят

Мы росли в нерелигиозное время, в неверующих семьях. Вступали в октябрята и пионеры, были комсомольцами, кто-то застал и «передовой отряд рабочего класса» — партию. Конечно, не все. Но большинство. В отдельных семьях вера теплилась, подобно лампадке в бабушкином уголке перед иконами, в бабушкиных же молитвах и слезах по ночам.

А потом все изменилось. И оказалось, что нерелигиозного времени не бывает, что жажда смысла не может остаться неутоленной. Мы пошли в Церковь. Мы искали, спорили, спотыкались и падали, но вставали и вновь шли. Ко Христу. Через нравственные терзания и интеллектуальный поиск, через художественные эксперименты и общественно-политические искания... Через боль и мучения отношений с самыми родными и близкими... *Враги человека — домашние его* (Мф 10:36). Эта фраза перестала быть непонятной и страшной цитатой из Книги. Она прошла по сердцам и отношениям родителей и детей. Эта и еще одна: *Неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим* (1Кор 7:14). Помню, друг рассказывал, как, воцерковившись, не сразу нашел поддержку у супруги, которая, хоть и относилась к его выбору с уважением, но всячески демонстрировала, что ей это не близко. Правда, вскоре он заметил: когда утром вполголоса читает молитвы, жена внимательно вслушивается, не пропустит ли он ее имя, молясь о здравии близких. Вскоре они читали молитвы уже вместе.

...А потом «вдруг» все вновь изменилось. И родители, увидев в нашем изменении жизни не просто проблему отцов и детей, поняли и приняли то, что стало основой нашей жизни. И пришли (или вернулись) в храм вместе с нами. И вместе с нами стали водить в храм наших детей. С детьми же, как многим казалось, теперь все будет происходить автоматически: в верующих семьях будут расти верующие дети. А как же иначе? Мы ведь столько «наискались» и намучились. Теперь воспитаем как надо. Жизнь, как всегда, оказалась сложнее любых представлений о жизни. Мы

привели детей в храм. Но пришли ли они к Богу? Вопрос не праздный, если учесть, что многие подростки, с детства ходившие в храм и воскресную школу, далеко не всегда в храме остаются. Почему так происходит? Помимо очевидного и в каждом поколении повторяющегося «подросткового бунта», здесь есть еще одна причина. Даже если ребенок вырос в храме, но не обрел там Христа, он может из храма уйти. Потому что нет в Церкви ничего иного, чем держится человек.

Путь к Богу — это всегда личный поиск, всегда личный сознательный и непростой выбор. Сегодня, в отличие от советского времени, когда люди, принимая христианство, становились изгоями, этот путь христианина изменился. Но стал ли он от этого легким?

Поиск Христа и следование Ему — это путь на Крест и Голгофу. Он не может и не должен быть простым. Это не мне так кажется — так написано в Евангелии. Оно ведь не повествует о том, что с приходом Христа наступило время всеобщего благосостояния, что как начали стелить Спасителю пальмовые ветви при Входе во Иерусалим, так и стелили «до победного конца». Нет: после были Голгофа и Распятие. И Воскресение.

И пройти этот путь человек должен сам. Задача тех, кто рядом, помочь это осознать. Помочь понять и почувствовать, что храм — это не клуб по интересам, не место проведения досуга. В хорошем приходе может и должна быть не только богослужебная жизнь. Но любая приходская активность имеет смысл, если она связана с Христом.

Когда мы слышим сегодня, как молодой человек говорит, что он «ушел из Церкви», важно понять, а как он в ней жил. Нередко в описании этой «прошлой» жизни звучат слова «просфора», «клирос», «спаси Господи»... Но не всегда — Евангелие и Христос. Поэтому я не склонен драматизировать. Нельзя уйти из Церкви, если ты в нее еще не приходил, если ты не приходил ко Христу. Это с одной стороны. С другой, если наши дети, выросшие в верующих семьях, не нашли там Христа, то пора нам задуматься. А где были мы? **Ф.**

Юлия Меньшова

Мы боимся признаться в собственной боли

Не надо сталкивать людей лбами, надо стараться понять каждого — так определяет принцип телепрограммы «Наедине со всеми» ее ведущая, актриса Юлия Меньшова. Мы поговорили с ней об отсутствующем в обществе уважении к оппоненту, об иррациональных законах в повседневной жизни, о том, почему она не осуждает священников и где видит грань между послушанием Церкви и свободой.

Чайлдфри. Иметь детей — долг?

— Юлия, одними из самых эмоциональных и дискуссионных выпусков программы «Наедине со всеми» были те, в которых обсуждались суррогатное материнство и идеология чайлдфри*. Изменилось ли Ваше отношение к этим явлениям после съемок?

— Нет. У меня совершенно определенное отношение к теме материнства в целом, поэтому ничего не изменилось. Как считала, что чайлдфри — очень печальное следствие человеческого эгоизма, которое загоняет женскую природу в абсолютный тупик, — так и считаю. Мне кажется, за этим мировоззрением стоит глубокое несчастье и абсолютное непонимание своего призвания, максимальное отдаление от своей природы, с которой бессмысленно спорить! Финалом такого спора может быть только — пустота, но современный человек в своем «хочу!» доходит до такого нигилизма, что пытается опровергнуть и собственную природу.

Но я далека от мысли категорично указывать людям, что рожать детей — долг любой женщины перед обществом, перед человечеством и так далее. Так как уверена, что это не долг, а призвание. И даже дар. И только так женщина может по-настоящему открыть себя.

— Что Вы имеете в виду?

— Среди православных часто можно услышать: женщина спасается чадорождением. Меня по юности лет очень удивляла эта формула. Это как: спасение падает на тебя с неба как подарок за то, что ты такая хорошая — умеешь рожать?..

А когда у тебя появляются дети, очень быстро понимаешь, в чем тут дело: рождение ребенка тебя, по

сути, впервые принуждает расставаться с эгоизмом. Ты совсем не хочешь этого, у тебя даже серьезная ломка происходит! Но каждый Божий день тебе приходится от себя отказываться — ты постепенно при-выкаешь думать о себе в последнюю очередь! Причем на уровне инстинкта это происходит. И вдруг обнаруживаешь, что жизнь устроена парадоксально: когда ты расстаешься с эгоизмом — становишься человеком.

Еще очень интересный опыт родительства: ты ведь получаешь отдачу далеко не сразу — иногда спустя долгое время тебе возвращается сторицей то, что ты вложила в своего ребенка. А по молодости лет хочешь получить сразу же: отдал — так верните мне благодарность! Именно воспитание детей впервые дает тебе почувствовать нелинейность этого процесса: настоящее счастье в том, что ты заботаешься о другом человеке, не считая свои затраты, не предъявляя никому требований «я — тебе, а ты — мне». Но при этом брошенные «семена» этой заботы прорастают во времени...

Поэтому мне было просто очень любопытно при-смотреться к людям, которые декларируют противоположную позицию. Мне хотелось разобраться, откуда она и почему люди так стремятся декларировать ее, зачем?

— Удалось понять?

— Я думаю, в основе лежит какая-то психологическая травма. Не обязательно полученная в семье. Социум нас тоже формирует и ранит.

Это может быть страх. Страх впустить в свою жизнь нечто, что нельзя заранее просчитать. А современный человек благоговеет перед гарантиями, в поисках стабильности. Родительство же не дает никаких обещаний. И человек предпочитает не разбираться в этом своем страхе, а жить... иллюзией контроля.

* Чайлдфри — идеология, характеризующаяся сознательным нежеланием иметь детей ради личной свободы (в переводе с английского childfree — свободный от детей). — Ред.